

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Володарская, Ольга.

В68 Письмо из ниоткуда : [роман] / Ольга Володарская. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-210300-1

Наташенька стала первой и самой сильной любовью Романа. Они познакомились, когда им было по пятнадцать, а расстались на последнем курсе университета. С тех пор прошло много времени, однако когда Рома узнал о смерти Наташи, он был потрясён. Не найдя в себе сил приехать на похороны, он купил билет в Тбилиси...

Они с Наташенькой ездили в столицу Грузии, когда встречались — пытались найти её отца, который бросил семью и скрылся. В тот же день в Тбилиси прилетел Генрих — друг Ромы и вечный поклонник Наташи — с миссией передать её предсмертное письмо отцу. Теперь им вместе предстоит найти его и понять, что случилось с их любимой девушкой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Володарская О., 2025
ISBN 978-5-04-210300-1 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Часть первая

Глава 1

Табло международного аэропорта Внуково, на которое он рассеянно поглядывал, обновилось. Роман увидел на нем новую строчку. Или она была, а он не обращал на нее внимания? Такое тоже возможно. Мысли Романа были настолько далеко, что он забывался и не сразу понимал, где находится. Почему так шумно, суетно, жарко и чем-то постоянно пованивает: то несвежими носками, то горелым маслом? «Ах да, я же в аэропорту! — спохватывался он. — Рядом спит разутый мужик, ожидающий своего рейса, а в кафе напротив готовят картошку фри».

Во Внуково Рома приехал просто так. Он сидел на автобусной остановке, заряжая телефон, от нее отправлялись экспрессы в аэропорт. Проводив взглядом несколько, он вдруг решил сесть в тот, что подошел, когда батарея его мобильного заполнилась.

Он давно не ездил в автобусах. Со студенческих лет. На последнем курсе университета он уже купил машину, и не абы какую, а «БМВ». Да, колымага была старой, ее салон вонял сигаретами, а лобовое стекло пересекала трещина, но именно на такой тачке гоняли герои его любимого фильма

«Бумер». Посмотрев этот боевик в подростковом возрасте, Ромка остался его фанатом на всю жизнь.

Во Внукове он тоже давно не был. Лет пять точно. Но аэропорт не изменился, и Рома сразу поднялся на второй этаж, уселся в кресло и погрузился в свои думы. Не специально — так получилось. Тело можно переместить куда угодно, а мысли все равно вернутся туда, откуда ты бежишь...

Мысли Романа в один миг преодолели расстояние в четыреста с лишним километров, и он оказался в родном Нижнем Новгороде, где сегодня хоронили любовь всей его жизни — Наташеньку...

Все ждали, что он приедет, чтобы проводить ее в последний путь, и он обещал... Но струсил! Билет на «Ласточку» купил, но не воспользовался им. И сейчас, когда ее закапывают, он сидит во Внукове и смотрит на табло, где появилась (сейчас или раньше — без разницы) строка «Москва — Тбилиси». Вылет через четыре часа. Регистрация уже открыта.

Тбилиси... Он ездил в этот город с Наташенькой шестнадцать лет назад. Они жили там в ветхом доме с мышами и тараканами, питались хачапури из уличных палаток, неказистыми фруктами с рынка, пили кислующее домашнее вино, что продавала им по пять лари за полторашку хозяйка-кахетинка, но все это не имело никакого значения. Они были счастливы вместе, и бытовые сложности не тяготили, а веселили. Например, то, что оба, наевшись грязных груш, весь день наперегонки бегали к стоящему во дворе туалету, вызывало приступы хохота. Они понóсили и хохотали. Пили активированный уголь, мылись в ведерке ледяной водой, целовались до посинения губ, но не занимались

сексом, потому что приспичить могло в любой момент. Этот день они называли Днем грушевого пюре и долго о нем вспоминали...

Вспоминали и хохотали!

Дома, в Нижнем Новгороде, они тоже жили не по-царски. Но по-купчески. Так говорила Наташенька. От бабушки ей досталась комната в коммуналке. Дом старинный, в историческом центре, им до революции владел известный в городе фабрикант, купец первой гильдии. Из окон открывался вид на Рождественскую церковь и... помойку. Между мусорными баками постоянно кто-то мочился. Но они не смотрели вниз, только вверх, и видели золотые купола и бескрайнее небо. На закате оно было особенно красивым, поэтому ужинали они на широком подоконнике. Чем — не важно. Можно и макаронами с плавленым сыром. Как Рома знал, его родной город признали столицей закатов, и он с этим был полностью согласен. В Нижнем они прекрасны, а если ты еще и влюблен, то просто волшебны.

Сколько их он встретил с Наташенькой, этих волшебных закатов, Рома точно не знал, но мог предположить. Прожили они в той коммуналке больше года, значит, не меньше трехсот шестидесяти пяти. Минус десять дней, проведенных в Тбилиси, несколько поездок за город с друзьями, три недели в больнице, куда попала Наташенька, а без нее Рома закатами не любовался. Зато, когда ее выписали, они еще и звездопад увидели. И загадали одно и то же желание несколько раз. Оно не сбылось...

Вскоре Рома и Наташа расстались!

— Молодой человек, — услышал он заспанный голос и встряхнулся, как собака, выбравшаяся из воды. — Не объявляли самолет на Бишкек?

Это пробудился мужик, чьими носками пованивало все это время.

— Заканчивается регистрация, — ответил ему Роман, глянув на табло.

Мужик засуетился. Начал совать ноги в растоптанные кроссовки, хватать рюкзак, хлопать себя по карманам. Через несколько секунд убежал, так и не обувшись нормально, а смяв пятки. Роман же продолжал смотреть на табло. «Москва — Тбилиси». Эта строка гипнотизировала его. Не до конца понимая зачем, он достал телефон, зашел на сайт по продаже билетов и быстро нашел нужный рейс. На самолет, что вылетит из Москвы в Тбилиси через три с половиной часа, еще можно было сесть. Билеты имелись в свободном доступе, и стоили они дешево.

Роман открыл сумку. В ней только паспорт, кошелек и ключи от квартиры. Мятная жвачка и влажные салфетки не в счет. Налегке он никогда не путешествовал. Даже в двухдневную командировку брал сумку, где имелась смена одежды, любимые тапочки, термокружка, электробритва. Средства гигиены опять же. Роман много лет пользовался продукцией одной израильской фирмы, что ушла из России, но не из его жизни. Омещались, так бы сказала Наташенька, если бы узнала его теперешнего. Но сразу после расставания с ней Роман уехал в Москву на своем раздолбанном «бумере». Там таксовал на нем, пока не устроился на стабильную работу. Обычным менеджером, зато в солидную государственную компанию. В ней он

задержался на семь лет, сделал неплохую карьеру, но ушел, чтобы продолжать развиваться. Его, провинциального паренька без связей, в директорский состав не взяли бы. Для таких должностей имелись «свои» люди. Но Рома хотел расти. Ему было почти тридцать, он поднялся до начальника маркетингового отдела, но в тридцать пять и даже в сорок он остался бы им же, если бы не ушел. И он уволился! Не сказать, что не пожалел, где-то полгода боролся с собой, чтобы не попроситься назад, но в конечном счете выиграл от смены деятельности. Сначала он возглавлял молодую фирму, потом стал ее совладельцем и теперь мог не ходить в офис вовсе, но ходил, потому что не привык сидеть без дела. Тринадцать с половиной лет (ровно столько он прожил в Москве) он гнался за чем-то. За карьерой, деньгами, статусом, благами? Директорским креслом, квартирой в собственности, золотой картой, новой тачкой, знакомствами с высокопоставленными людьми? Все ДА! Но зачем? Ведь для счастья нужен лишь человек рядом, ТВОЙ человек, и тогда комната в коммуналке — купеческие палаты, подоконник — стол в мишленовском ресторане, а из окна видны не мусорные баки, а только лишь золотые купола и бескрайние небеса.

— С вами все в порядке? — услышал Роман обеспокоенный женский голос.

— Все в порядке, — ответил он уборщице, остановившейся возле него. — А что, есть сомнения?

— Вы плачете.

— Да? — Роман коснулся рукой щеки и почувствовал влагу. — Аллергия, — выпалил он. — На бытовую химию. Вы чем полы моете?

— Аптека на первом этаже есть.

— Спасибо за подсказку. — Он улыбнулся сердобольной женщине и поднялся с кресла. Нужно умыться и идти на регистрацию. Билет куплен, и Тбилиси ждет его!

* * *

Время до вылета он скоротал в бизнес-зале. Ел плохо, но вино пил с удовольствием. Дешевенькое, кислое, оно ничем не напоминало то, что они с Наташенькой покупали за пять лари, но настраивало на нужный лад. Роману уже не терпелось попасть в Тбилиси. Шестнадцать лет не вспоминал об этом месте, а сейчас изнывал от желания пройтись по улочкам Старого города, подняться на гору Мтацмinda, послушать на проспекте Руставели уличных музыкантов, принять сероводородные ванны. С Наташенькой они ходили в общественные бани. Она — в женское отделение, он, соответственно, в мужское. На отдельный номер у них не было денег. Даже час стоил о-го-го сколько! А им хотелось провести последний вечер в ресторане, где жарят на вертеле барашка, подают вино в кубках, а джигиты зажигательно танцуют лезгинку...

Сейчас у Романа имелись средства на все хотелки. В принципе, он мог себе позволить даже вертолетную прогулку над городом, но боялся разочарования. Все достопримечательности, что он посещал в одиночку или с друзьями-приятелями, его разочаровывали. Женщин же своих он никуда не возил. Он хотел путешествовать только с Наташенькой, но она осталась в далеком прошлом...

Теперь навсегда!

Зазвонил телефон. Роман не хотел брать трубку, но разомлел от вина и взял.

— Ты не приехал, — сердито проговорила Лариса. Родная сестра Романа и работница ритуального бюро, занимающегося похоронами Наташеньки. — А тебя все ждали.

— Кто — все?

— Ольга Степановна, Поленька, Генрих.

Мама Наташеньки, ее сестра и их с Ромой общий ангел-хранитель. Так они называли Генриха. Он с юных лет был влюблен в Наташу, но принял ее выбор и, желая девушке только счастья, мирил ее с Ромкой первое время. Потом они сами научились этому — мириться после страшных, как им тогда казалось, ссор. Но не до конца! Поэтому расстались. И даже Генриху не удалось им помочь.

— Я не смог, — честно признался Роман.

— Опоздал на поезд?

— Нет, приехал вовремя... — И, помолчав, добавил: — Но не смог. Как все прошло?

— Нормально, — буркнула Лариса. — Только Ольга Степановна очень сильно плакала. И бросалась то на гроб, то в яму, куда его опустили. Поля еле оттащила.

— Я приеду в Нижний, но попозже.

— Теперь уже все равно. Ложка дорога к обеду.

— Кому?

— Ольге Степановне, Поленьке и Генриху, — раздраженно ответила сестра. — Я тоже тебя ждала, между прочим!

— Я отправил вместо себя белые розы. Три ведра. — Роман, не сев в «Ласточку», сделал заказ в Интернете. Срочный, чтобы цветы успели до-

ставить на кладбище к часу дня. — Надеюсь, они вовремя доехали?

— И опали сразу на могиле. Что вызвало новый приступ истерики у Ольги Степановны.

— Ее вывели из себя несвежие розы?

— Они были крепкими, сочными, но на могиле начали опадать. За пару минут осыпались, и земляной холм был устлан лепестками. Ольга Степановна кричала: «Даже цветы роняют слезы по моей Наташеньке!» — и кидалась на могилу. — Сестра сделала паузу. — Жуткое зрелище было!

— Лар, ты извини меня, но... Я больше не могу говорить. Самолет скоро.

— Куда собрался? К нам, в Нижний?

— В Тбилиси, — честно ответил он, но тут же соврал: — Командировка у меня.

— Так когда тебя ждать? Может, на девятый день приедешь? Поминки пройдут в кафе «Магнолия». Помнишь его? Мы детьми туда ходили за минни-пиццами...

А Рома с Наташенькой в студенчестве за ними же. А по вечерам там продавали пиво и вино под названием «Мартино». Бормотуха со вкусом вермута. Если ее разбавить минералкой с газом, добавить лимон, то получался божественный напиток.

— Я постараюсь, Лара, — бросил Роман в трубку. Он на самом деле спешил. Посадку на рейс уже объявили.

— Она была такая красивая, Ромчик, — выдохнула сестра. — Как живая...

— Все, пока.

Отключившись, он залпом допил вино и направился к выходу. Сейчас главной задачей для него

было сесть в самолет и уснуть. Четыре часа ему хватит на то, чтобы отдохнуть. Казалось бы, ничего не делал, только сидел, то в такси, то в автобусе, то в креслах вокзалов-аэропортов. Но ощущение было такое, будто весь день вкалывал. Диагностировав себе моральное истощение, Роман покинул бизнес-зал.

Через пятнадцать минут он уселся в свое кресло, чтобы тут же отключиться. Спал плохо, маялся в неудобном кресле, вздрагивал, когда начиналась турбулентность, но перелет пережил нормально. Главное, ни о чем не думал. Каша в голове — не всегда плохо.

Он снял номер в небольшом отеле, расположенном в районе, где они останавливались с Наташенькой. Сололаки. Улица Иашвили. Итальянский дворик. Уже не развалюха без туалета, а вполне комфортабельное жилище — за шестнадцать лет многое изменилось в Тбилиси, и город точно подготавливался к встрече туристов из разных стран.

Роман доехал до Сололаки, заселился и пошел бродить. Как это ни странно, он прекрасно ориентировался в городе, о котором шестнадцать лет не вспоминал. Он что-то пил и ел, заходя во все понравившиеся заведения. С кем-то болтал. Чем-то любовался. Все было как в тумане. И не потому, что он накидался, точнее, не только поэтому... Романа как будто кто-то незримый вел в направлении, известном только ему. Он давал ему время на отдых, перекус, отвлечение на красоты, но не отставал, а тянул за собой. Куда именно, Роман понял, когда уперся в забор, увитый плющом. Отодвинув ветку, он увидел кирпич, на котором все еще оставалась наца-

рапанная шестнадцать лет назад надпись: «Выходи за меня!» Ромчик сделал Наташеньке предложение у каменной ограды старинной часовни, которая не значилась ни в одном путеводителе. Они случайно набрали на нее, и, пока Наташенька бегала вокруг с фотоаппаратом, Рома царапал ключами на старом рыхлом камне фразу: «Выходи за меня!»

Наташенька хоть и отругала Романа за то, что он осквернил древнюю постройку, но в ответ сказала: «Да». Домой в Нижний Новгород они вернулись женихом и невестой. Вот только свадьбу так и не сыграли. А меньше чем через три года она вышла за другого...

А спустя одиннадцать лет умерла!

Роман заплакал. В который раз за сутки, но впервые слезы принесли облегчение. Через них вышла та нестерпимая боль, что душила его все последние часы. Он сразу протрезвел и понял, что смертельно устал. Поймав такси, Рома поехал в свой гестхаус, где безмятежно проспал до обеда.

Глава 2

Прошлое...

Они познакомились в День города. Ромка приехал в центр позже остальных и продирался сквозь толпу, собравшуюся возле сцены, на которой должны были выступить «Рок-острова», в поисках друзей. Они с обеда тусовались у кремля и к вечеру уже изрядно нагузились пивом. Ромка тоже выпил, но самогона, что отлил у бати. Иного выхода у него не было, поскольку карманных денег он не

имел, а кореша свои уже истратили и угостить его не смогли бы. Не найдя никого из них, Ромка решил, что они пошли в какую-нибудь подворотню, чтобы отлить, и выбрался из толпы. Лучше подождать друзей, сидя на парапете. Плехнувшись на него, Ромчик подставил лицо ветру. Жара стояла ужасная, парило, еще и самогон батин очень крепким оказался, и пятнадцатилетнего парня мутило от него.

Вообще-то Ромка почти не пил и редко курил. В дворовой компании он выделялся еще и тем, что неплохо учился, не обижал девочек и был вежлив со старухами. Те гоняли шантрапу, та отвечала им матюгами, а Ромка мог со злобными бабками договориться. Но уважали его не за это, а за недюжинную силу. Костлявый, с виду хиленький, он не проиграл ни в одной драке. Даже когда на него втроем напали пацаны из соседнего района, отбился.

Мутить перестало. Ромка с облегчением выдохнул. Не вырвало, уже хорошо. Еще бы водички попить холодненькой. А лучше пивка! С мечтами о нем Роман принялся обозревать окрестности в надежде увидеть своих друзей, авось они стрясли с какого-нибудь маменькиного сынка баблишко или стянули у зазевавшегося бухарика стакан с разливным «Окским»...

— Хочешь попить? — услышал он нежный девичий голос.

В трех метрах от него стояла девушка с бутылкой воды. Такая красивая, что Ромчику на миг она показалось галлюцинацией. Пьяного на жаре разморило, вот и мерещатся ему нимфы... В его возрасте только они и мерещатся!

Тонкая, как тростинка, но с красивой грудью, девушка была одета в длинный сарафан. Полы развевались, оголяя дивные ножки. Их, а также плечи и руки покрывал ровный загар. Темно-русые волосы и брови чуть выгорели и отливали золотом. Глаза удивительные — миндалевидные, медового оттенка. Длинный тонкий нос. Губы сочные, блестящие, покрытые помадой цвета карамели...

Солнечная девочка! Сладкая...

Неземная.

Ромчик обернулся. Решил, что за его спиной кто-то есть и нимфа обращается к нему.

Но нет. Воду она предлагала Ромке. Ему же улыбалась своим карамельным ртом и медовыми глазами.

В ответ он смог только кивнуть, соглашаясь взять бутылку из рук нимфы. Она успела подойти к нему и протянуть ее. А он не смог даже встать, сил не было.

Попив, Ромка поблагодарил девушку. Опять кивком. Вблизи она оказалась еще прекраснее, и он совсем растерялся.

— Ты немой? — обеспокоенно спросила нимфа, присев рядом.

Пахло от девушки тоже сладко! И у Ромки закружилась голова.

— Я не немой, — смог выдать из себя он. — Спасибо за воду.

— Не за что. Я видела, как ты мучаешься. На солнце перегрелся, да? Тогда лучше в тень уйти. А еще лучше в прохладное помещение. Тут неподалеку есть кафе с кондиционером. Пойдем?

Опять галлюцинации? Теперь слуховые? Нимфа приглашает его в кафе? Она, такая распрекрасная, готова пойти в общественное место с гопником?

— Спасибо, но я друзей жду, — ответил ей Ромка. Смог членораздельно произнести слова, да еще не покраснеть. У него не было денег даже на воду. В кармане треников только горсть семечек!

— Меня Наташей зовут, — представилась девушка. — А тебя?

— Ромчик я.

— Ты где-то поблизости живешь?

— Не, я с Мончаги.

— Извини?

— Это на Автозе.

— Мы недавно в город переехали, я тут почти ничего не знаю. С Автозавода, да? Не была там.

— И не надо, — хохотнул Ромчик.

— Нет, я хотела бы посетить музей ГАЗа. Там мой прадедушка после войны главным конструктором работал, но его репрессировали.

— Мои родаки тоже там трудятся. Если хочешь, я свожу тебя в музей.

— Очень хочу! — радостно воскликнула она и захлопала в ладоши. — Когда мы сможем это сделать?

— Узнаю часы работы и позвоню тебе. Оставишь номер?

Она продиктовала его. Ромчик запомнил, благо домашние номера состояли всего из шести цифр. После этого он с девушкой распрощался. А все из-за корешей! Он заметил их, шумных, пьяных, наглых, и поторопился смыться. Еще не хватало, чтобы Наташа поняла, что он такой же, как они. Ромке думалось, что она увидела его если не принцем, то достойным молодым человеком, а такие не воруют у отцов самогон, не хлещут его на лавке,

закусывая семечками, не бьют морды в ответ на оскорбления, не ругаются матом и не харкают через плечо. Поэтому, вместо того чтобы присоединиться к корешам, он отправился домой трезветь. Жаль, конечно, что пропустил концерт, но он все равно бы не смог им насладиться, потому что все его мысли были заняты Наташенькой.

... Они встретились у метро «Автозаводская» через два дня. Ромка пришел за полчаса до назначенного времени, нарядный, причесанный, но очень нервный. Чтобы немного успокоиться, стрельнул сигарету, покурил. Но это не помогло, а хуже то, что дыхание испортилось. Пришел бы он в старых трениках, отбил бы запах табака семечками, но сегодня на Ромке были новые джинсы. Мать не велела их до первого сентября надевать, но парень ослушался. И ее и отца. У того он на сей раз не самогон умыкнул, а деньги из заначки. Взял не все, треть, но, если отец заметит недостачу до того, как сын ее закроет, разъярится. Батя запрещал брать даже мелочи, ему принадлежащие, носки, к примеру, или кружку. За непослушание наказывал тумаками. Но бил только сына, жену и дочь не трогал. Имел понятия, как все о нем говорили.

Наташенька не опоздала. Выпорхнула из метро в назначенный час и озарила собой серый мир промзоны. Ромке даже показалось сначала, что это солнышко пробилось через тучи, нависающие прямо над заводскими трубами, но нет, то была Наташенька. Сегодня не в сарафане, а в голубых джинсах и полосатой кофточке. Волосы девушка собрала в хвост, обулась в кроссовки. Простенький образ ей тоже шел, и он больше соответствовал моменту.